Александр Корнев

О разграничении сложных слов и сходных с ними субстантивных словосочетаний

Studia Rossica Posnaniensia 14, 131-144

1980

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

MUZEUM HISTORII POLSKI

JĘZYKOZNAWSTWO

АЛЕКСАНДР КОРНЕВ
Ленинград

О РАЗГРАНИЧЕНИИ СЛОЖНЫХ СЛОВ И СХОДНЫХ С НИМИ СУБСТАНТИВНЫХ СЛОВОСОЧЕТАНИЙ

Сложные имена существительные, возникшие путем чистого сложения без интерфикса, и аппозитивные словосочетания до сих пор недостаточно дифференцируются. Обычно к именам существительным вышеупомянутого вида относят сложные слова и составные наименования самого разного типа: Ленинград, Новгород, Белоозеро, Ильмень-озеро, авиапочта, метромост, киномеханик, социал-демократ, генерал-лейтенант, царь-пушка, горе-рыболов, изба-читальня, вагон-ресторан и другие подобные. На этой точке зрения стоят, например, создатели академической грамматики как 1953, так и 1970 года; Е. А. Земская и Н. М. Шанский — авторы монографий и вузовских учебников; а также составители интересного и полезного справочника *Грамматическая правильность русской речи* — Л. К. Граудина, В. А. Ицкович, Л. П. Катлинская[1]. Признаками описываемого сложного слова признаются следующие: 1) наличие двух или более основ, из которых одна (последняя) должна обязательно совпадать с самостоятельным словом, 2) отсутствие суффиксации, 3) отсутствие интерфикса (лишь академическая грамматика 1970 года утверждает, что интерфикс существует, но как нулевой), 4) закрепленный порядок компонентов, 5) единое главное ударение, преимущественно на последнем (опорном) компоненте. Некоторыми авторами одним из признаков сложного слова признается несклоняемость первого компонента, но он считается факультативным, не ведущим, то есть вполне допускается, что слово может состоять из двух и более изменяемых частей.

С другой стороны, наметилась тенденция широко отождествлять аппозитив-

---

[1] *Грамматика русского языка*, т. 1, Москва 1953, стр. 276; *Грамматика современного русского литературного языка*, Москва 1970, стр. 172 - 173; Е. А. Земская, *Современный русский язык. Словообразование*, Москва 1973, стр. 177, 272; Н. М. Шанский, *Очерки по русскому словообразованию*, Москва 1968, стр. 269 - 275; Л. К. Граудина, В. А. Ицкович, Л. П. Катлинская, *Грамматическая правильность русской речи. Опыт частотно-стилистического словаря вариантов*, Москва 1976, стр. 175 - 185.

ные словосочетания (приложения) с именами существительными, возникшими путем чистого сложения. Такой подход естественен, конечно, у лингвистов-синтаксистов, изучающих проблему с точки зрения теории словосочетания. Основным критерием противопоставления сложного слова словосочетанию в этих работах признается изменяемость или неизменяемость первого компонента. На первый взгляд этот формальный критерий является очень последовательным, удобным и простым. Он позволяет, как пишет об этом один из авторов и с чем нельзя не согласиться, четко разделить все аппозитивные и псевдоаппозитивные сочетания на две большие группы: „1) сложные слова аппозитивного типа, 2) аппозитивные словосочетания, а из тех словосочетаний, где отмечены колебания в склонении первого компонента, создать переходную группу — образования, промежуточные между аппозитивными словосочетаниями и сложными словами"[2]. Эта схема столь же формальна, сколь и дипломатична. Она, к сожалению, не учитывает причины неизменяемости компонентов, тем самым игнорирует причины возникновения таких сочетаний и их природу и поэтому в одних и тех же группах, особенно в первой, появляются очень разные по своей структуре и внутренним свойствам слова. Эта классификация в очень малой степени отражает особенности русского словообразования, так же, как и описание, принятое академическим направлением, ибо оба они сознательно и последовательно стоят на позициях сугубо формально-синхронных и пытаются рассмотреть в одной плоскости факты и разновременные, и разнопричинные.

Прежде всего следует выделить слова, целиком заимствованные из других языков, так как они не имеют никакого прямого отношения ни к характеру русских сочетаний, ни к русскому словообразованию, Такие, например, заимствования, как *флаг-офицер*, *штаб-офицер*, *бортрадист*, *шторм-трап*, *блок-пост*, *бизань-мачта*, *караван-сарай* и подобные, только внешне напоминают русские субстантивные словосочетания или русские сложные имена существительные, появившиеся в результате сложения, т.к. включают компоненты, функционирующие в русском языке как самостоятельные лексемы. Возникли же данные наименования не в русском языке и не на основе закономерностей русского словообразования. Они представляют интерес прежде всего как слова ассимилируемые русским языком, а с точки зрения словообразования — как заимствованные словообразовательные модели, по которым могут возникать и гибридные, русско-иноязычные слова. Ср., например,

---

[2] Т. Н. Молошная, *Субстантивные словосочетания в славянских языках*, Москва 1975, стр. 38 - 39. Ср. высказывание Т. А. Бертагаева: „К сложным словам могут быть отнесены только устойчивые сочетания, в которых один из сочленов утратил грамматическую изменяемость, окаменел. Напр., царь-пушка, жар-птица, бой-баба, — Т. А. Бертагаев, *Отграничение сочетаний с приложением от сходных сочетаний*, „Русский язык в школе" 1957, № 1, стр. 17.

штаб-офицер и *штаб-лекарь*, *бортрадист* и *бортстрелок*, *блок-пост* и *блок--коробка* и т. д. По аналогии с заимствованными воинскими званиями *капитан--лейтенант*, *генерал-майор* появилось на русской почве наименование *генерал--полковник*, по образцу германизма *дизельмотор* — *дизельпоезд* и т.п. Таких примеров можно было бы привести довольно много. Модель оказалась весьма продуктивной в узкоограниченной сфере — научно-технической и военной —, характерной ее особенностью является то, что первая часть двуосновного заимствования, выступающая и в иноязычном слове (чаще всего германоязычном) как определяющая, превращается в своего рода префиксоид, соотносимый с соответствующим именем прилагательным. Например, *флаг-* — *флагманский*, *штаб-* — *штабной*, *шторм-* — *штормовой*, *блок-* — *блокировочный*, *дизель-* — *дизельный*. Таким образом, и по соотношению, и по значению со ставляющих частей и прямые заимствования, и гибридные образования должны рассматриваться как одно слово, а не словосочетание (кстати, именно составными словами они являются в языке-источнике) и уже в силу этого первые компоненты их не могут изменяться при склонении.

Другая группа сложных наименований также связана с иноязычными заимствованиями. У них тоже одна из частей составного наименования является неизменяемой. Но принципиальная разница между этой группой и вышеописанной состоит в том, что мы имеем дело с неизменяемым прилагательным, выступающим и в языке-источнике, и в русском языке как определение. Вот почему они могут оказаться то в препозиции, то в постпозиции. Неизменяемость и внешнее совпадение этих определений с именами существительными, по всей вероятности, и побуждает сторонников формальной точки зрения говорить в данном случае о сложных словах. Вот несколько примеров с несклоняемым определением в препозиции. В сочетаниях *генерал-адмирал*, *генерал-фельдмаршал* слово *генерал* не имеет значения 'высшее воинское звание', а означает 'главный, главнокомандующий', так же, как это слово является омонимом существительного *генерал* в выражениях *генерал-директор путей сообщения*, *генерал-губернатор*, *генерал-марш* 'барабанный бой для похода какой-либо отделеной части войск', *генерал-аудиторат* 'высший военный суд (в армии и на флоте) в России до 1867 года', *генерал-бас*, в которых *генерал* значит 'главный, генеральный' или 'главный, первенствующий', иногда 'общий'. В наименованиях *премьер-министр*, *прима-балерина* несклоняемые прилагательные соответственно французского и итальянского происхождения означают 'первый, играющий первую роль, главный, ведущий'. И *генерал*, и *премьер*, и *прима* в данном случае являются омоформами соответствующих имен существительных, которые или были заимствованы уже в качестве субстантивированных прилагательных, или стали таковыми уже в русском языке (последнее менее вероятно). Примеры с несклоняемыми прилагательными в постпозиции: *лотерея-аллегри* (итал. 'быстрый'), *чулки-эластик* (фр. 'эластичный'), *идея-фикс* (фр. 'навязчивый'), *комедия-буфф* (итал. 'шутовской,

примитивно-комический')[3]. По существу эти сочетания ничем не отличаются от сочетаний *ткань электрик*, *носки беж*, *берет бордо* и т. п., которые, однако, никто не предлагает считать сложными именами существительными. Безусловно, и по происхождению, и по значению эти сложные наименования следует считать словосочетаниями и при этом не двух имен существительных, а имени прилагательного и существительного, то есть рассматривать их не как аппозитивные, а как атрибутивные сочетания.

К этому типу словосочетаний тесно примыкают составные термины, где один из компонентов выражен символом. В качестве иллюстраций можно привести термины: *альфа-лучи*, *бета-частица*, *гамма-излучение* (из физики) и *аш-кислота* (из химии). Символы в этих сочетаниях по значению и функции могут быть приравнены к прилагательным, ибо они не означают в данном случае названий букв, а значат: в физике — 'который соответствует первой, второй, третьей разновидности; являющийся первой, второй, третьей разновидностью, имеющей определенные свойства', в химии — 'относящийся к водороду, связанный с водородом'.

Обращают на себя внимание препозитивные неизменяемые определения: обычно определения, выраженные неизменяемым прилагательным, стоят в постпозиции. Однако следует учитывать, что в данном случае мы имеем дело с сочетаниями заимствованными, сохранившими структуру языка-источника. Кроме того, имеются и в русском языке словосочетания, правда, фразеологические и исключительно редкие, где неизменяемые прилагательные стоят в препозиции. Например, *сыр бор*.

Известно также, что в русскоя языке немало сложных слов, внешне напоминающих аппозитивное словосочетание, первая часть которых (т.е. слов) выступает как определение. Имеются в виду такие образования: с одной стороны — *авиапочта*, *авиаматка*, *аэропорт*, *аэрокорабль*, *автомашина*, *кинотеатр*, *метромост*, *радиосвязь*, *таксомотор* и др.; с другой стороны — *царь-колокол*, *горе-рыболов*, *чудо-богатырь* и т.п.

Слова первой серии рассматриваются обычно как сложные слова или с нулевым интерфиксом, или с соединительным гласным, наложенным на финаль основы. Это, безусловно, справедливо. Указанные слова никогда не сопоставляются с аппозитивными словосочетаниями, хотя такие сопоставления вполне возможны, ибо и первая, и вторая часть их могут употребляться как самостоятельные лексемы. Вот некоторые примеры. „Отправить письмо авиа". „Дул, как всегда, октябрь ветрами, Как дуют при капитализме. За Троицкий дули авто и трамы, Обычные рельсы вызмеив" (В. Маяковский, *Хорошо*!). „По проводам электрической пряди Я знаю — эпоха после пара — Здесь люди уже

[3] Примеры заимствованы из книги: Л. К. Граудина, В. А. Ицкович, Л. П. Катлинская, *Грамматическая правильность*, указ. соч., стр. 176, где они неопределенно именуются сложениями, хотя рассматриваются в разделе „Склонение сложных слов".

орали по радио, Здесь люди уже взлетали по аэро" (В. Маяковский, *Бруклинский мост*). „Поедем в таксо!" (И. Ильф и Е. Петров, *Двенадцать стульев*). С точки зрения современного русского словообразования является второстепенным, возникли ли они в результате усечения, как например, *авиа* (<*авиапочта*), *авто* (<*автомобиль*), *метро* (<*метрополитен*), *таксо* (<*таксомотор*), или с момента появления в русском языке употребляются в неизменном виде, как например, *кино*, *радио*. Гораздо важнее то, что первая часть в этих словах (типа *кинотеатр*) выступает как определение, недаром и в толковых словарях современного русского языка они определяются на редкость единодушно. Например, *авиа* ... Сокращение в значении авиационный. *Аэро* ... Первая часть сложных слов, означающая отношение к авиации, воздухоплаванию (можно было бы добавить еще и „к воздуху", напр., *аэросани* — А. К.). *Кино* ... Первая часть сложных слов в значении кинематографический. *Радио* ... Первая часть сложных слов в значении относящийся к радио[4]. Таким образом, в этой части слова, которую иногда называют префиксоидом, заметен значительный семантический сдвиг: она только внешне напоминает соответствующие самостоятельные имена существительные, а по значению тождественна относительному имени прилагательному.

Образования типа *царь-девица*, *царь-пушка*, *царь-рыба*, *чудо-богатырь*, *горе-рыболов*, *свет-батюшка*, *бой-баба* в отличие от вышеописанных слов, наоборот, почти всегда сопоставляются с аппозитивными словосочетаниями, хотя оснований для этого не больше, а пожалуй, даже меньше. Во-первых, препозиция не характерна для приложения[5]. Во-вторых, что гораздо существеннее, первая часть таких образований восходит или к именам существительным, которые употребляются метафорически (*горе*, *чудо*, *свет*), или к неизвестным современному русскому языку архаичным формам имен прилагательных, теперь не изменяющимся (*царь-*, *бой-*), и по значению соответствует качественному прилагательному: *царь-* 'выдающийся по своим качествам, размерам, значению'; *чудо-* 'удивляющий, восхищающий своими качествами'; *горе-* 'неумелый, плохой, незадачливый'; *свет-* 'милый, отрадный, дорогой'; *бой-* 'бойкий, расторопный, решительный' и т. д. Таким образом, и по своему положению, и, главное, по характеру семантики первая часть наименований типа *царь-девица*, *чудо-богатырь*, *горе-рыболов* ближе стоит к префиксоидам, чем к самостоятельным словам в составе аппозитивных словосочетаний, а сами эти наименования в принципе ничем не отличаются от слов типа *аэропорт*, *кино-*

---

[4] См.: С. И. Ожегов, *Словарь русского языка*, изд. 12, Москва 1978. Аналогичные определения и в других толковых словарях современного русского литературного языка.

[5] С очень большой натяжкой можно рассматривать как приложение, стоящее в препозиции, например, слово *драчун* в следующем контексте: „Три клада нам достались: Драчун-дубинка, скатерть-самобранка, Да шапка-невидимка — нас же двое; Как поровну нам разделиться?" (В. Жуковский, *Сказка о Иване-царевиче и Сером Волке*). В таком контексте приложением будет, по-моему, все-таки дубинка, но об этом ниже.

театр, радиостанция. Особенно заметна разница между этими префиксоидами и омоформными именами существительными при их сопоставлении. Ср., например, их с такими сочетаниями: „Уж проходят караваны через те скалы, Где носилися туманы Да цари-орлы" (М. Лермонтов, *Спор*). „Есть, вишь, море; чудо-кит Поперек его лежит" (П. Ершов, *Конек-горбунок*). „Батюшки-светы!" (восклицание удивления, опасения) и даже „Свет мой, зеркальце, скажи!" (А. Пушкин, *Сказка о мертвой царевне* ...). Здесь неуместно подробно описывать причины формирования префиксоидов, но одно несомненно, что именно омонимия часто заставляет сближать префиксоиды типа *чудо-*, *горе-*, *царь-* с соответствующими именами существительными. В одном случае спорным является вопрос о наличии или отсутствии интерфикса -О-||-Е-, в другом — забвение того, что *царь* как префиксоид восходит, по-видимому, к притяжательно-относительному прилагательному с суффиксом -jь. В связи с этим нелишне указать на форму, приводимую В. Астафьевым при передаче народной речи: „Вечный рыбак, лежучи на печи со скрюченными в крендель ногами, дед беспрестанно вещал ...: А ешьли у вас, робяты, за душой што есь, тяжкий грех, срам какой, варначество — не вяжитесь с царью-рыбой, попадется коды — отпущайте сразу ..." (В. Астафьев, *Царь-рыба*). Ср. еще употребление имени прилагательного *царский* в таком, например, контексте: „На серебряных там ветках В раззолоченных во клетках Птицы райские живут, Песни царские поют" (П. Ершов, *Конек-горбунок*)[6].

К названному разряду сложных слов примыкают образования, представляющие собою промежуточные явления между словосочетанием и сложным словом: *дьявол-баба*, *бес-девка*, *рубаха-парень* и подобные. „В сенях она опрокинула чайник и свечу, стоявшую на полу. Экий бес-девка! — закричал казак, расположившийся на соломе и мечтавший согреться остатками чая" (М. Лермонтов, *Герой нашего времени. Тамань*). „А пойдет ли, бывало, Солоха в праздник в церковь, надевши яркую плахту с китайчатою запаскою, а сверх ее синюю юбку, на которой сзади нашиты были золотые усы, и станет прямо близ правого крылоса, то дьяк уж верно закашливался и прищуривал невольно в ту сторону глаза; голова гладил усы, заматывал за ухо оселедец и говорил стоявшему близ его соседу: „Эх добрая баба! черт-баба" (Н. Гоголь, *Ночь перед рождеством*). „Праздность, драка сплетни и всякие ссоры завелись между прекрасным полом такие, что мужья то и дело приходили к нему (Тентетникову) с такими словами: „Барин, уйми беса-бабу! Точно черт какой! Житья нет от ней!" (Н. Гоголь, *Мертвые души*). „— Вот как бы догадались было, Павел Иванович, — сказал Селифан, оборотившись с козел, — чтобы выпросить у Андрея Ивановича другого коня, в обмен на чубарого; он бы, по дружественному расположению к вам, не отказал бы, а это конь-с, право, подлец-лошадь

---

[6] Ср. также употребление кальки *королевский* в таких терминологических сочетаниях как *королевский пингвин, королевский олень, королевский кенгуру*.

и помеха" (Н. Гоголь, *Мертвые души*). „А была у Иван Савича жена. Драгоценная супруга Матрена Васильевна. [...] Ведь она чего с Иван Савичем сделала? Она, дьявол-баба, Иван Савичу помереть не дала" (М. Зощенко, *Матренища*). Все эти образования по семантической организации близки к сложным словам типа *царь-девица*. Характерно, что первыми компонентами в этих сочетаниях могут выступать лишь слова, обладающие предикативно-характеризующим значением, по терминологии В. В. Виноградова[7], т. е. слова, выполняющие оценочно-определяющую функцию, употребляемые не в прямом (номинативном) значении. Отличает же их от сложных слов недостаточная формализация первого компонента, который не стал морфемой (префиксоидом).

Совершенно неправомерно относить к сложным словам, как это делают, например, Т. А. Бертагаев и Т. Н. Молошная[8], сложные названия растений и животных, где в качестве определения-приложения выступают родовые наименования, например, *жар-птица*, *меч-рыба*, *молот-рыба*, *сон-трава*, *без-дерево*, *калган-корень*, и т.п. Нетрудно заметить, что эти определения всегда выступают как пояснение или при словах, имеющих широкое распространение в других значениях (*жар*, *меч*, *молот*, *сон*), или, наоборот, малопонятных, а то и совсем не понятных без приложения (*калган*, *без*). Всякий раз такие конструкции употребляются, когда речь идет о редких или экзотических представителях флоры и фауны. „«Нет, кит-рыба, нам в награду Ничего того не надо» — Говорит ему Иван" (П. Ершов, *Конек-горбунок*). „Вот полночною порой Свет разлился над горой, Будто полдни наступают: Жары-птицы прилетают" (П. Ершов, *Конек-горбунок*). „И как это, братцы, акул-рыба его не съела? Здесь этих самых акулов страсть!" (К. Станюкович, *Максимка*). „Имбирное пиво епископ пьет, водочку, настоенную на калган-корне, принимает для успокоения живота" (А. Кузьмин, *У золотых ворот*). Характерно, что по мере роста употребляемости этих наименований приложение отпадает (ср. употребление названий *кит*, *акула*, *калган*), в целях же фольклорно-архаической стилизации может оно появляться: см., напр., у А. С. Пушкина: „Улетела лебедь-птица, А царевич и царица, Целый день проведши так, Лечь решились натощак" (*Сказка о царе Салтане*...).

К этому же типу аппозитивных сочетаний относятся и словосочетания, где определяемым является имя собственное, а определяющим — родовое название, бытующее в двух разновидностях: 1) определяемым выступает географическое название — *Ильмень-озеро*, *Москва-река*, *Китай-город* и т.п., 2) определяемым может быть имя или кличка — *Иван-царевич*, *Илья-пророк*, *Селифан-кучер*, *Васька-кот*. Первые обычно безоговоречно относятся к слож-

---

[7] В. В. Виноградов, *Основные типы лексических значений слова*. В кн.: В. В. Виноградов, Избранные труды. Лексикология и лексикография, Москва 1977, стр. 184.

[8] Т. А. Бертагаев, указ. соч., стр. 17; Т. Н. Молошная, указ. соч., стр. 39.

ным словам[9], вторые, наоборот, совершенно справедливо всегда рассматриваются как аппозитивные словосочетания. Поэтому подробнее рассмотрим первые. Подобно биологическим наименованиям географические названия, как правило, снабжаются приложением для пояснения имени собственного. „Царь походом подходил под Казань-городок, он подкопы подкопал под Казанку-реку" (Песня Варлаама из оперы М. П. Мусоргского „Борис Годунов"). „Остановился дедушка. — Что в дальше? — Дальше — дрянь! Кабак... Острог в Буй-городе, там я учился грамоте" (Н. Некрасов, *Кому на Руси жить хорошо*). „Одна старушка божия... у гроба Иисусова молилась, на Афонские всходила высоты, в Иордань-реке купалася" (Н. Некрасов, *Кому на Руси*...). „Гитлеровцы обещались: «По Москве будем гулять!» Не пришлося гитлеровцам Москвы-города видать" (Частушка из картотеки Пск. обл. словаря — Ленинград). Правда, надо отметить, что приложения при географических названиях имеют тенденцию включаться в составные топонимы в качестве одного из их компонентов, например, *Давид-городок* (в Брестской области), но и тогда словосочетание остается словосочетанием подобно составным топонимам типа *Аннинский Мост* (деревня), *Красное Село* (город), *Новая Деревня* (микрорайон в Ленинграде) и т.п.[10] Некоторые из географических приложений могут превращаться в суффиксоиды в определенных условиях. Так, трансформировалось в современном русском языке в суффиксоид вышедшее из современного живого словоупотребления слово *град*. Этот суффиксоид может входить в сложное слово и с предшествующим ему интерфиксом и без него: *Ленинград*, *Сталинград*, *Петроград*, *Волгоград*, *Царьград* и у А. С. Пушкина — *Цареград*[11]. На северо-западе России распространен в качестве суффиксоида элемент *-озеро*, являющийся калькой с финского *-ярви*: *Шуг-озеро*, *Сег-озеро*, *Водл-озеро*, *Пя-озеро* и т.п.

Приведу несколько иллюстраций для сочетаний второго подраздела, т.е. сочетаний, где определяемым выступает имя личное. „— Что за чудной старик? — Помещик наш Утятин-князь" (Н. Некрасов, *Кому на Руси*...). „А грудь?

---

[9] См., например: Т. Н. Молошная, указ. соч., стр. 34; *Грамматика современного русского литературного языка*, стр. 173.

[10] В названиях типа *Красное Село*, *Аннинский Мост*, *Новая Деревня* вторые компоненты входят в состав топонима, ибо они не соответствуют наименованиям обозначаемой реалии. Если же второй компонент словосочетания соответствует реалии, он не является частью топонима, а является определяемым именем существительным с топонимом-определением. Например, *Кировский* мост (в Ленинграде), *Красное* село (в Пустошкинском районе Псковской области), *Луговская* деревня (в Островском районе Псковской области).

[11] Наименования типа *Китай-город* и явно искусственного *Сад-город* (сравнительно новый город-спутник Владивостока с обширным дендрарием), где *город* сочетается с именами существительными, пожалуй, являются составными топонимами, тогда как обычной моделью сложного топонима с суффиксоидом *-город* является соединение его с глагольными основами и основами имен прилагательных: *Гуляй-город*, *Звенигород*, *Белгород*, *Новгород*, *Ивангород* (из *Иваньгородъ*).

Илья-пророк По ней гремит-катается На колеснице огненной... Все терпит богатырь!" (Н. Некрасов, *Кому на Руси...*). „Эх вы, Аники-воины, Со стариками, с бабами Вам только воевать" (Н. Некрасов, *Кому на Руси...*). „Тут тоже наши странники Сидели с Власом-старостой" (Н. Некрасов, *Кому на Руси...*).

Характерной особенностью этих сочетаний (и биологических, и географических, и личных) является то, что их компоненты легко поддаются перестановке (это не распространяется, естественно, на составные топонимы), что отличает их от сложного слова[12], причем общее значение их сохраняется, хотя синтаксические отношения заменяются противоположными: определяющее становится определяемым, определяемое — определяющим. „Это, слышь ты, не пожар, Это свет от птицы жар" (П. Ершов, *Конек-горбунок*). „Поперек его (моря) лежит Чудо-юдо рыба кит" (П. Ершов, *Конек-горбунок*). Ср. также: *город Буй, река Иордан, пророк Илья, староста Влас.* То, что мы имеем дело здесь с аппозитивными словосочетаниями, ни у кого не вызывает сомнений. В связи с этим к аппозитивным словосочетаниям должны быть отнесены и некоторые названия мифических существ: *дед Мороз, баба Яга, чудо-юдо*[13] и т.п.

Для правильного понимания природы аппозитивных словосочетаний, в частности при противопоставлении их слову, важны, разумеется, не только семантические отношения, но и синтаксические, т.е. характер связи между компонентами. Между тем, в этой области также имеются неточности.

Так, распространено мнение, что определяющее слово в аппозитивном словосочетании может находиться и в постпозиции, и в препозиции. Первое, конечно, вполне справедливо. Ни у кого не вызывает возражений, что в сочетаниях *конек-горбунок, девочка-плакса, Петька-забияка, царь-отец, Волга-матушка, Амур-батюшка, Иван-дурак* второй компонент является определяющим. Но рассмотрим сочетания типа *отличник-курсант*, где определяющим признается первый компонент[14]. Вот несколько примеров. „Что ж он (Данила) видит? Прекрасивых двух коней золотогривых Да игрушечку-конька" (П. Ершов, *Конек-горбунок*). „Горбунок-конек встряхнулся, Встал на лапки, встрепенулся, Хлопнул гривкой, захрапел И стрелою полетел" (П. Ершов, *Конек-горбунок*). „Три клада нам достались: Драчун-дубинка, скатерть-самобранка Да шапка-невидимка — нас же двое; Как поровну нам разделиться?"

---

[12] Перестановка возможна и в сложных словах, например, *скалозуб — зубоскал, блюдолиз — лизоблюд*, но неизвестны случаи, чтобы при перестановке морфемы превращались в слова.

[13] См. о слове *юдо*: Ю. В. Откупщиков, *Из истории индоевропейского словообразования*, Ленинград 1967, стр. 142 - 143.

[14] В книге *Современный русский язык. Синтаксис* (Москва 1957) приложением признается первый компонент в сочетаниях типа осетин-извозчик, старик-крестьянин (стр. 207).

(В. Жуковский, *Сказка о Иване-царевиче и Сером Волке*). „Нет у солдатки-матери во всем миру дружка" (Н. Некрасов, *Кому на Руси...*). „Ты и убогая, Ты и обильная, Ты и могучая, Ты и бессильная, Матушка Русь!" (Н. Некрасов, *Кому на Руси...*). „Лиза: «Ах! мочи нет! Робею В пустые сени! в ночь! боишься домовых, Боишься и людей живых. Мучительница-барышня, бог с нею, И Чацкий, как бельмо в глазу»" (А. Грибоедов, *Горе от ума*). „И Володя с глубоким уважением, полный искреннего сочувствия, посмотрел на старика-штурмана" (К. Станюкович, *Вокруг света на „Коршуне"*). „Дурова Надежда Андреевна... — русская писательница, первая женщина-офицер, известная как кавалерист-девица" (*Краткая литературная энциклопедия*, т. 1, Москва 1964). „Господу богу помолимся: Милуй нас, темных рабов!" (Н. Некрасов, *Кому на Руси...*). Итак, в сочетаниях *игрушечка-конек*, *горбунок-конек*, *драчун-дубинка*, *солдатка-мать*, *матушка Русь*, *мучительница-барышня*, *старик-штурман*, *кавалерист-девица*, *господь бог*, по моему мнению, определяющим будет второй компонент, конкретизующий, выделяющий первый из ряда ему подобных. Ср., например: *игрушечка-конек*, *игрушечка-автомобиль*, *игрушечка-сабля*; *драчун-дубинка*, *драчун-мальчишка*, *драчун-барин*; *солдатка-мать*, *солдатка-жена*; *кавалерист-девица*, *кавалерист-юноша*, *кавалерист-трубач*; *матушка Русь*, *матушка Волга*, *матушка-земля*; *отличник-курсант*, *отличник-студент*, *отличник-школьник*. Подобной серии нельзя создать для сочетания *господь бог*, но дело здесь не в особых синтаксических связях, а в жестко ограниченной сочетаемости слова *господь*. Синтаксически же конструкция синонимична выражениям *господин поручик*, *господин министр*, *господин директор*. При перестановке, конечно, взаимоотношения компонентов изменяются, и сочетания входят в другие серии: *девица-кавалерист*, *девица-искусствовед*, *девица-невеста*; *дубинка-драчун*, *дубинка-посох*; *барышня-мучительница*, *барышня-кокетка* и т.п. При перестановке возникают не только новые синтаксические отношения, но появляются и другие семантические акценты и этим вышеописанные сочетания значительно отличаются от сочетаний типа *жар-птица — птица жар*, *Влас-староста — староста Влас*, *Москва-река — река Москва*, где при перестановке никаких семантических сдвигов, по существу, не происходит.

Неточная квалификация определяемого и определяющего — это, так сказать, внутренние ошибки, т.е. ошибки внутри подчинительных конструкций. Но нередко в одном ряду с аппозитивными сочетаниями (подчинительными) рассматриваются и внешне сходные с ними сочинительные сочетания[15], хотя на их особенности обратил внимание еще А. А. Потебня, а в наше время — Т. А. Бертагаев. Среди сочинительных словосочетаний, обозначающих единое понятие, можно наметить два типа. Первый представляет собою объединение

---

[15] См., Л. К. Граудина, В. А. Ицкович, Л. П. Катлинская, указ. соч., стр. 175 - 185; Т. Н. Молошная, указ. соч., стр. 39.

двух предметов, явлений, которые могут быть соединены союзами *и*, *да*, второй — тавтологическое сочетание.

К первому типу могут быть отнесены такие сочетания, как *кафе-ресторан*, *сад-ясли*, *кресло-кровать*, *плащ-палатка*, *снег-иней*, *род-племя*, *праздник-ярмарка* и под. Например, „Косы русые расплетенные снегом-инеем пересыпаны" (М. Лермонтов, *Песня про купца Калашникова*). „А поведай мне, добрый молодец, ты какого роду-племени" (М. Лермонтов, *Песня про купца Калашникова*). „— А что у вас в селении Ни старого, ни малого, Как вымер весь народ? — Ушли в село Кузьминское, Сегодня там и ярмарка, И праздник храмовой... «Пойдем в село Кузьминское, Посмотрим праздник-ярмарку!» — Решили мужики" (Н. Некрасов, *Кому на Руси...*). К этому же типу должны быть причислены и составные термины, означающие единицы измерения: *тонна-километр*, *ампер-виток*, *килограмм-секунда* и т.п. Нередко сочетания первого типа, употребляясь переносно, метафорически, превращаются во фразеологизмы. Так, *хлеб-соль* означает 'пища', 'питание', 'угощение', 'символ радостной встречи', 'приветствие кушающим'; *водить хлеб-соль с кем-н.* значит 'знаться с кем-н., быть в дружеских отношениях' („Донесу я в думе царской, Что конюший государской — Бесурманин, ворожей, Чернокнижник и злодей, Что оно с бесом хлеб-соль водит, В церковь божию не ходит, Католицкий держит крест и постами мясо ест" (П. Ершов, *Конек-горбунок*); гуси-лебеди — 'перелетные птицы'; чай-сахар — 'угощение чаем' („Спасибо за чай-сахар!"), 'приветствие пьющим чай' („Вошел старик, белый как лунь и немножко сгорбленный. «Чай-сахар, купцы почтенные!» — сказал он" — Н. Лесков, *Разбойник*) и так далее.

Тавтологических сочетаний сравнительно немного: *правда-истина*, *счастье-доля*, *фокус-покус* и некоторые другие. В некоторых ныне тавтологических сочетаниях еще можно с трудом обнаружить весьма слабую былую связь с аппозитивными сочетаниями. В самом деле, такие сочетания, как *друзья-товарищи*, *друзья-приятели*, означающие теперь 'всякие друзья', когда-то представляли собою сочетания-приложения, где *товарищ* означал 'соратник, сообщник, компаньон', *приятель* — 'знакомый, лицо, с которым пребываешь в дружеских отношениях, но не дружбе'. *Путь-дорога* в переносном употреблении значит 'путешествие, поход'. (Царь с царицею простился, в путь-дорогу снарядился" (А. Пушкин, *Сказка о мертвой царевне*), 'пожелание счастливого путешествия", но ср. у Н. Некрасова: „На лес, на путь-дороженьку Смотрел, молчал Пахом" (*Кому на Руси...*). Здесь *дороженька* является определением, уточнением слова *путь*, которое может значить 'место, пространство, по которому кто-л. или что-л. передвигается в определенном направлении' (не обязательно дорога): *путь по болоту*, *через лес*; *водный путь*. Правда, в современном русском языке слова *путь* и *дорога* чаще выступают как синонимы. Слово государь в верноподданической формуле обращения к царю, напр., „Царь-государь, не вели казнить, вели слово вымолвить" (А. Н. Толстой,

Василиса Премудрая), может рассматриваться как приложение со значением 'суверенный правитель, владыка'. Ср. употребление слова *государь* в сказке *Война мышей и лягушек* В. А. Жуковского: „Видишь, Лев-государь, — сказал я ему, — что и я пригодился".

Мне кажется, что не следует рассматривать среди субстантивных сочетания звукоподражательного происхождения типа *тары-бары*. Например, „Эй, честные господа, К нам пожалуйте сюда! Как у нас ли тары-бары, Всяки разные товары!" (П. Ершов, *Конек-горбунок*). Такого рода сочетания, хоть и могут употребляться субстантивированно („разводить тары-бары"), но ничего общего по природе и происхождению не имеют с именными сочетаниями.

Таким образом, среди образований, зачастую рассматриваемых как аппозитивные сочетания, можно наметить следующие группы:

— сложные слова:

1) генерал-лейтенант, караван-сарай, штаб-офицер,
2) топонимы: Ленинград, Шугозеро,
3) авиаматка, кинотеатр, радиосвязь,
4) бой-баба, царь-пушка, чудо-богатырь, горе-директор;

— образования переходные от словосочетания к сложному слову: бес-девка, рубаха-парень, черт-баба, подлец-лошадь;

— аттрибутивные словосочетания с неизменяемым определением:

1) генерал-марш, премьер-министр, чулки эластик, платье бордо,
2) альфа-лучи, бета-частица, гамма-излучение, аш-кислота;

— аппозитивные словосочетания:

1) а. жар-птица, кит-рыба, меч-рыба, Москва-река, Ильмень-озеро, Илья-пророк, Иван-царевич, Влас-староста, мороз-воевода,
б. птица жар, рыба кит, рыба меч, река Москва, озеро Ильмень, пророк Илья, царевич Иван, староста Влас, воевода мороз,
в. баба Яга, дед Мороз,
2) конек-горбунок, лягушка-квакушка, девочка-плакса,
3) драчун-дубинка, отличник-курсант, матушка-Русь, господь бог, кавалерист-девица, старик-крестьянин.

— сочинительные словосочетания:

1) снег-иней, гуси-лебеди, мать-мачеха, кресло-кровать, тонна-километр,
2) правда-истина, фокус-покус, путь-дорога.

В заключение необходимо сказать об одном из формальных критериев, который используется при противопоставлении сложного слова и аппозитивного словосочетания. Речь идет о неизменяемости или изменяемости первого компонента этих образований. Как говорилось выше, некоторые лингвисты полагают, что если первый компонент не изменяется, то налицо сложное

слово, а не словосочетание. Однако, оставляя, естественно, в стороне сочетания с несклоняемыми словами, следует указать, что сторонники этой точки зрения не учитывают, что в современном разговорном русском языке довольно сильна тенденция к несклоняемости первых компонентов более или менее устойчивых словосочетаний, если эти компоненты представляют собою имена существительные, основа которых оканчивается на согласный. Эта тенденция достаточно широко представлена и в литературном русском языке. Так, представляются вполне естественными такие сочетания, как *роман Майн Рида*, *фантазия Жюль Верна*, *юмор Марк Твена*, *сочинения Вальтер Скотта*, *учение Жан-Жака Руссо*, *смерть Жан-Поль Марата*, хотя, я думаю, никто не сомневается, что *Майн Рид*, *Жюль Верн*, *Марк Твен*, *Вальтер Скотт* и др. являются словосочетаниями, а не словами. Вот несколько примеров из художественной литературы. „Репетилов: У князь Григория теперь народу тьма, Увидишь, человек нас сорок" (А. Грибоедов, *Горе от ума*). „Скалозуб:... Я князь Григорию и вам Фельдфебеля в Вольтеры дам, Он в три шеренги вас построит, А пикните, так мигом успокоит" (А. Грибоедов, *Горе от ума*). „Княгиня:... Послушать, так его (Чацкого) мизинец Умнеее всех и даже князь Петра!" (А. Грибоедов, *Горе от ума*). „Тогда он (Адуев) указал ей (Лизе) Вальтер Скотта, Купера, нескольких французских и английских писателей и писательниц, из русских двух или трех авторов, стараясь при этом, будто нечаянно обнаружить свой литературный вкус и такт" (И. Гончаров, *Обыкновенная история*). „Как будто не слыхав моего замечания княгиня продолжала любоваться видом и обращаясь к сестре и Любовь Сергеевне, указывала на частности: на кривой висевший сук и на его отражение, которые ей особенно нравились" (Л. Толстой, *Юность*). „Он (Понт Кич) уже смотрел на Москву с небоскреба «Известий» (Нахрихтен), он уже был у Анатоль Васильча" (В. Маяковский, *Баня*). „Вы, конечно, знаете Иван Ивановича" (В. Маяковский, *Баня*). „Которая беднота, может, и получила дворцы, а Иван Савичу дворца, между прочим, не досталось. Рылом не вышел" (М. Зощенко, *Матреница*). „Умер Лефорт. От радости в Москве не знали, что и делать. Конец теперь иноземной власти — Кукуй-слободе" (А. Н. Толстой, *Петр Первый*).

Если учесть, что большая часть аппозитивных сочетаний возникла и употребляется в разговорной речи, а также в фольклоре, то не следует удивляться тому, что значительное число этих словосочетаний имеет несклоняемый первый элемент. Колебания типа *из вагон-ресторана* и *из вагона-ресторана* вызваны не тем, что словосочетание превращается в слово, а тем, что идет борьба между узуальными нормами разговорной речи и традиционной нормой литературного языка. Характерно, что среди аппозитивных словосочетаний литературного языка нет ни одного с неизменяемым первым компонентом (русским по происхождению или полностью ассимилированным русским языком) на гласный, что соответствует положению аналогичных словосочетаний в разговорной речи. В обширном списке сложных наименований, предложен-

ном Л. К. Граудиной, В. А. Ицковичем и Л. А. Катлинской в справочнике *Грамматическая правильность русской речи*, неизменяющийся компонент на *-а* представлен только наименованиями греческих букв-символов, выступающих определениями (*альфа-*, *бета-*, *гамма-*, *лямбда-*), несклоняемым прилагательным *прима-* и элементом *луна-* в заимствовании *луна-парк*. Добавим еще, что из закономерностей употребления аппозитивных сочетаний, первый компонент которых оканчивается на *-а*, исключением является сочетание *Москва-река*, необычные и искусственные причины появления которого убедительно раскрыл С. И. Ожегов в специальной статье[16]. Все это может служить веским доказательством того, что мы имеем дело не со словообразовательной моделью и не с языковой закономерностью перехода словосочетания в слово, а с морфологическими особенностями отдельных разрядов слов, проявляющихся в определенных условиях.

Итак, для противопоставления слова и словосочетания ведущую роль, безусловно, играет семантический критерий, а также синтаксический. Морфологический же показатель, т.е. изменяемость//неизменяемость, для такой роли не пригоден, ибо он не является специфическим в аппозитивных словосочетаниях и охватывает далеко не все вышеописанные словосочетания.

ON THE DIFFERENTIATION BETWEEN COMPOUND WORDS AND NOMINAL WORD GROUPS CLOSE TO THEM

by

ALEKSANDR KORNIEV

Summary

Externally close but as a matter of fact, different constructions of a type: gienieral-major, radio-sviaz, tsar-pushka, podlec-loshad'. premier-ministr, platie-bordo, alfa-luchi, zar-ptica, koniok-garbunok, starik-kriestianin, kreslo-krowat', put'-doroga may be clearly divided into compound words, word groups of an attributive and appositive character as well as word combinations of co-ordinate type only in the case when we adopt its prior (most important) semantic and syntactic criterion. The morphological factor (i.e. flexionality or inflexionality of the first component) which as a rule is used during differentiation between compound words and word combinations similar to them appears to be insufficient, very limited, and as a result, deceptive.

---

[16] С. И. Ожегов, *Склоняется ли Москва-река*? Вопросы культуры речи, вып. 1, Москва 1955, стр. 221 - 224.